

металопродукції (3,8); продовольчих товарів (3,5). У порівнянні з країнами «Великої сімки» найменш розвиненим є експорт таких видів продукції, як транспортні засоби (0,3), машини та обладнання (0,4), продукція легкої промисловості (0,5), палива та електроенергії (0,5) тощо.

Висновки. Здійснений аналіз галузевої структури економіки України продемонстрував збереження сировинної орієнтації вітчизняного експорту, низький рівень технологічності економіки, недостатню розвиненість видів діяльності, спрямованих на кінцевого споживача, та високу частку імпортованої продукції паливно-енергетичного комплексу.

Для ліквідації зазначених недоліків товарної структури експорту та імпорту потрібне термінове проведення активної структурної зовнішньоекономічної політики, ключовими завданнями якої повинні стати розвиток наукомістких галузей економіки, створення конкурентоспроможних транснаціональних корпорацій, мінімізація критичної залежності від окремих країн, забезпечення збалансованості експорту та імпорту.

Таким чином, підвищення конкурентоспроможності вітчизняної економіки потребує комплексного аналізу основних структурних складових національ-

ної економіки. Для цього доцільними є використання принципів системно-структурного підходу, який дозволить охарактеризувати конкурентоспроможність економіки у площині галузевої, регіональної, секторної, відтворювальної, соціально-економічної, організаційно-економічної, технологічної структур економіки.

БІБЛІОГРАФІЧНИЙ СПИСОК:

1. Антонюк Л.Л. Міжнародна конкурентоспроможність країн: теорія та механізм реалізації : [монографія] / Л.Л. Антонюк. – К. : КНЕУ. – 2004. – 275 с.
2. Король И.В. Сравнительный анализ методологических подходов к оценке конкурентоспособности национальной экономики / И.В. Король // Вектор науки ТГУ. Серия «Экономика и управление». – 2012. – № 4(11). – С. 98–100.
3. Економічна енциклопедія : у 3-х т. Т. 3 / Відп. ред. С.К. Мочерний. – К. : Академія, 2002. – С. 384.
4. Чайка Ю. Теоретико-методологічні основи оцінки структури національної економіки / Ю. Чайка // Економічний вісник університету : зб. наук. праць. – Переяслав-Хмельницький, 2008. – Вип. 5. – С. 394–397.
5. Державна служба статистики України [Електронний ресурс]. – Режим доступу : www.ukrs tat. gov.ua.
6. Хохлов А.В. Справочные материалы по географии мирового хозяйства-2015 (выпуск первый). Статистический сборник [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.vlant-consult.ru>.

УДК 330.101

Шедяков В.Е.

доктор соціологічних наук,

кандидат економічних наук, професор

Государственного университета телекоммуникаций

ВОЗМОЖНОСТИ СМЯГЧЕНИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ: РОЛЬ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Исследованы трансформации комплекса отношений отчуждения под воздействием постсовременных процессов глобализации, информатизации и интеллектуализации. Рассмотрены возможности и риски развития ключевых тенденций. С точки зрения смягчения и снятия отчуждения даны рекомендации по совершенствованию реформ.

Ключевые слова: трудовые отношения, отчуждение труда, интеллектуализация деятельности, управление, стимулирование.

Шедяков В.Е. МОЖЛИВОСТІ ПОМ'ЯКШЕННЯ ВІДЧУЖЕННЯ: РОЛЬ СТИМУЛЮВАННЯ ІНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ

Досліджено трансформації комплексу відносин відчуження під впливом постсучасних процесів глобалізації, інформатизації та інтелектуалізації. Розглянуто можливості і ризики розвитку ключових тенденцій. З погляду пом'якшення та зняття відчуження надано рекомендації щодо вдосконалення реформ.

Ключові слова: трудові відносини, відчуження праці, інтелектуалізація діяльності, управління, стимулювання.

Shedyakov V.E. POSSIBILITIES OF ALLEVIATION OF ALIENATION: A ROLE OF INTELLECTUAL ACTIVITY'S STIMULATIVON

Transformation of the complex relations of alienation under the influence of postmodern processes of globalization, informatization, and intellectualization is investigated. Opportunities and risks of the key trends are considered. Recommendations for reform from the point of view of alleviation and exclusion of complex relations of alienation are improving.

Keywords: labour relations, alienation of labour, intellectualization of activity, management, stimulation.

Постановка проблеми в общем виде. Ширятся глобальные трансформации, создающие среду и условия для преодоления (как частичного смягчения, так и полного снятия) многих из отчуждающих чело- века сил, преодоления некоторых слоёв отчуждения. Вместе с тем и попытки форсированного развития, реформирования социально-экономических и правовых процессов, переформатирования общественной реальности и её восприятия должны не входить в антагонизм, а опираться и предоставлять новые формы базовым ценностно-смысловым комплексам

культурно-цивилизационных миров, иначе трансформации окажутся избыточно затратными и будут отторгнуты последующим ходом истории.

Анализ исследований и публикации по проблеме.

В различных научных школах веками создавались научные традиции в отношении отчуждения и присвоения, свободы и зависимости, овещения и распределения, отчуждённого труда и свободного самодетельного творчества и прочее. Разработкой трудовой теории стоимости, в частности, с успехом занимались В. Петти, А. Смит, Д. Риккардо, К. Маркс,

а также Ф. Бастиа, Ж.Б. Сей, П. Струве, Г. Торренс и др. Мотив отчуждения занимал существенное место в работах В.Ф. Гегеля, Ж.Ж. Руссо, Л. Фейербаха. Seriously отличаются между собой черты неореалистичного (в духе технологического детерминизма, когда труд рассматривается как источник потребительской стоимости, а абстрактный труд редуцируется до конкретного), неоминалистского (когда работа берётся как процесс, содержащий заведомо непознаваемый аспект, а исчисляемый аспект неявно смешивается с занятостью, работой, деятельностью и т.п.) подходов к изучению труда. Огромное влияние на последующий анализ оказывают исследования А. Агга, В. Асмуса, Г. Багатурия, И. Бычко, Л. Борисовой, С. Выготского, Ю. Давыдова, С. Каверина, И. Кального, П. Копнина, Н. Лапина, В. Лебедева, Л. Маньковского, С. Морозова, И. Нарского, Л. Науменко, М. Нечкиной, Т. Ойзермана, С. Оруджева, Д. Розенберга, М. Розенталя, В. Сагатовского, С. Сергеевой, Е. Ситникова, Ю. Согомонова, В. Степина, В. Терина, В. Чиркова, А. Юдкина и анализ путей преодоления отчуждения на фоне значимых трансформаций (А. Бузгалин, И. Витаньи, А. Гусейнов, А. Колганов Я. Кузьминов, В. Межуев, Э. Набиуллина, С. Платонов, В. Радаев, К. Рихтаржик, Т. Субботина, В. Толстых, В. Ципко и др.).

Постановка проблемы. Комплекс отношений отчуждения может как предоставить некоторые пути и возможности адаптации к общественным условиям, так и превратиться в неодолимое препятствие на пути любых преобразований. При всей обширности уже созданных технико-технологических и социально-экономических предпосылок развёртывания существенных сил человека, несовершенство устройства общественной жизни вновь ведёт к воспроизводству нереализованности, ощущению ненужности и невостребованности – и замыканию в себе, уходу в разнообразные хобби (в том числе виртуально-игровые), замещающие реальную жизнь. Неудовлетворенность жизнью включает компенсационные механизмы. Сублимация принимает разные формы. Асоциальное поведение развивается в формы отторжения, забвения, а то и эволюционирует до антисоциального.

Вместе с тем актуализирующаяся интеллектуальная деятельность имеет существенные отличия, абсолютизация которых фиксировалась в характеристике творчества как не труда, закреплялась в противоречивости взаимодействия с принудительным трудом смыслообразующей деятельности и управления как прерогатив господствующих классов (впрочем, при наличии в разные эпохи групп высокоинтеллектуальных рабов, слуг, сотрульников «шарашек» и т.п., занятых в духовном производстве, вообще – производственной деятельности, предполагавшей сложный, а то и уникальный труд). Вместе с тем информационная эра заведомо предполагает наличие в качестве неременной составляющей совокупного труда именно умственного труда как общественно-необходимого, а в качестве одного из важнейших источников сверхприбылей именно развитие и использование умственного труда, что требует от науки существенного переосмысления и развития научной теории труда. Причем имманентность интеллектуальной деятельности своим конкретным носителям сопряжена с необходимостью более тщательно учитывать и стимулировать надлежащим образом развитие и реализацию их способностей, поддерживать высокую заинтересованность.

Итак, **цель статьи** – изучение возможностей преодоления некоторых черт из трансформированного ком-

плекса отношений отчуждения за счет потенциала стимулирования духовно-интеллектуальной активности.

Изложение основного материала. Под влиянием совокупности технико-технологических и социально-экономических факторов существенно трансформируется общественная жизнь, создавая предпосылки для модификации и реструктурирования комплекса отношений отчуждения. Исследование комплекса отношений отчуждения – сложная междисциплинарная задача, и длительное время именно экономические процессы составляли его наиболее прочную основу, а трудовая сфера была наиболее изученным полем [1–7]. Причём если модерн ознаменовался переходом от внеэкономического принуждения к экономической заинтересованности, то теперь усиливается многостороннее и разноуровневое влияние общественного мироустройства на человека. Кардинально возрастает роль освоения прошлого труда для достижения необходимого уровня качественной живой деятельности. А когда живая деятельность является дополнительной к овеществлённому, современному и будущему труду других членов общества, и её содержание определяется совокупным производством, то человек относится к миру предметности сначала через совокупную и только потом – через собственную деятельность.

Вместе с тем по признанию исследователей современных социально-экономических трансформаций, ныне характеристикой важных процессов является именно отчуждение, а не эксплуатация [8, р. 7]. Доминантные формы развёртывания существенных сил человека, его социализации и аккумуляции складываются и реализуются ныне под воздействием комплекса отношений отчуждения [9–12]. Как известно, отчуждение как особый вариант развития базируется в своем классическом проявлении на трудовых отношениях и сочетает аксиологически нейтральное положение, связанное с закономерным процессом повышения индивидуальной обособленности людей, с аксиологически негативным разрушением личности. Первый из этих моментов (так называемое положительное отчуждение, безразличное отчуждение, опредмечивание) – это необходимость саморазвёртывания существенных сил человека, их реализации в качестве источника дополнительной производительной силы труда, содержания общественного богатства. Второй момент (отчуждение в узком смысле) – это усвоение обществом лишь части человеческого потенциала, которая выбирается во многом случайно. В отношениях отчуждения человек принадлежит не самому себе, а внешней среде, обретающей черты враждебности и угрозы. Комплекс отношений отчуждения формируется на материально-предметном, социально-материальном и социально-идеальном уровнях, фиксируя качество взаиморепрезентации объективных и субъективных феноменов и динамику ключевых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационного мира. Противоречия родовых сил (в первую очередь способностей и потребностей) разворачиваются в социально-экономические конфликты. Если внутренняя характеристика сил – это их целостная рационально-эмоциональная определённость, то внешняя – конкретно-историческое сочетание вещественной сущности, форм вещественных и общественных.

В пострыночной же среде активно трансформируется само понятие капитала (включая и интеллектуальный), реализуется ограниченность социально-экономических отношений собственности. Комплекс отношений отчуждения сохраняет значе-

ние развитийного пространства человека, не только превращая его сущностные силы, но и предоставляя возможности для социального и индивидуального творчества. Само общество является обществом отчуждения не потому, что навязывает формальные ограничения, а потому что оно подкупает, манипулирует и навязывает конформизм [8, р. 9]. Усиление информационной наполненности общественного пространства усложняет, а не упрощает выбор между путями отчуждения и свободы. Вообще «...жить в свободе значительно труднее, чем в несвободе. Свобода – не вольница, у нее есть свои пределы, и очень определённые, жёсткие, с которыми приходится считаться, если не хочешь, чтобы ...она не разрушила, не уничтожила то, ради чего, собственно её и жаждали» [13, с. 3].

Трансформация комплекса отношений отчуждения вызвана, во-первых, тем, что развитие предоставил возможность в классическом среде, которое связывалось с капиталистическим проектом, преодолеть некоторые (включая наиболее острые) проявления отчуждённости, создать условия для развёртывания сущностных и функциональных качеств человека на производстве, и во-вторых, тем, что история стран, исповедовавших коммунистическую идеологию, привела отнюдь не к успеху проекта освобождения труда, а к воспроизведению отчуждения; «трудовой энтузиазм, укрепление общественной дисциплины, ускоренный слом отживающих обычаев, норм социальной приниженности противоречиво соседствовал с усилением позиций деклассированных, морально неустойчивых элементов. Сказались нравственно-психологические издержки длительной политики «затянутых поясов» у трудящихся, ослабление силы ...полных гуманистического содержания поведенческих традиций, расшатывание правил бытовой морали, огрубление морально-этикетных норм межличностных отношений» [13, с. 228]. Впрочем, за прекращением существования лагеря реального социализма следовали и крах догм либерального капитализма, и демонстрация ограниченности потенциала религиозного фундаментализма. Уже очевидно: тезис о последовавшем якобы «конце истории» может вызвать лишь улыбку. Время ведёт к переосмыслению формулы Клаузевица: сегодня экономическая конкуренция – это продолжение войны другими средствами, тогда как состояние войны – один из путей обеспечения преимуществ. Так, например, в начале XXI века усилились тенденции конкурентной борьбы за качество человеческого фактора (капитала): уровень образования, здравоохранения, используются и такие направления пересмотра социально-политических завоеваний трудящихся, как попытки повышения возраста выхода на пенсию, ограничения социальных программ, сокращения государственного сектора, тогда как к числу особенностей перспективной мировой экономической модели следует безоговорочно отнести известную гуманизацию экономики. Новый тип экономического развития выдвинул на первый план творческую личность, таланты и способности которой являются основными двигателями научно-технического прогресса. В то же время само развитие техники ориентируемо на качества личности. Отсюда следует актуализация проблемы мотивации труда, создание условий для развития (в т.ч. интеллектуального) личности работника, реализации его талантов и способностей в процессе производства. Причём в условиях усиления тенденций глобализации, информатизации интеллектуализации меняются мотивирующие факторы.

К тому же если ранее человек рождался и жил в достаточно стабильной социально-экономической обстановке и природной среде, то теперь то и другое стремительно меняется, потому заведомо не может служить опорой при принятии лично и общественно значимых решений, осуществлении выбора. С одной стороны, в мозаике этого потока можно отбирать совершенно разнородные фрагменты, близкие и симпатичные лично тебе. С другой, хаотичность и субъективизм индивидуальных контактов подталкиваем к участию во вполне рациональных воздействиях в рамках эффективных управленческих композиций. Информационное перенасыщение может сделать человека беспомощным перед навязываемыми предпочтениями/отторжениями, не давая возможности реализации его сущностных сил. Новые медиа дополнительно увеличивают значение и повышают экономическую составляющую нетрудовых измерений жизни.

Под влиянием обобществления и разделения деятельности, достигших глобального уровня и действующих во всё возрастающих масштабах, резко повышается значение базовых принципов соотношения государства, общества и человека. Так, от их развития зависит, станут ли они постоянной войной друг против друга или же взаимовыгодным партнёрством, будут построены на принуждении и манипулировании или признании самоценности и взаимоуважении. В условиях же инверсии развития (когда не гражданское общество создает государственность, а государство обеспечивает формированию и функционированию гражданского общества) развитая общественность предполагает достижение определённого экономического уровня. Соответственно, с одной стороны, реализуются возможности преодоления некоторых (в т.ч. ранее, в классической среде, базовых) видов отчуждения, с другой, – возрастают масштабы и мощь отчуждающих сил. Разрешение этого противоречия во многом приоритетно связано с экономикой и управлением последствиями «информационного взрыва», усилением информационного фона жизни и вместе с тем становлением каналов манипулирования общественным сознанием, прямо зидущихся на этих новых возможностях. В результате растёт объём «серого шума», а искать информации, например об открытии, иногда оказывается дороже, чем изобрести заново. Безусловно, сама информация несёт потенциал для выравнивания возможностей, однако доступ к её разным потокам, характер подготовки к восприятию и использованию дифференцированы. Впрочем, именно новые информационные технологии как приводят к «сжатию» мирового пространства, так и создают предпосылки форсированного развития. Свобода и равноправие информационного обмена способны стать важным стимулятором социально-экономических изменений и способствует активизации участия различных групп в производственном процессе. С одной стороны, появился ресурс доступа к пластам разнообразной информации, а с другой, – усложняется задача выделения из информационных потоков нужных сведений. Дстойное участие в экономике знаний, и тем более обеспечение научного прорыва, предусматривают доступ населения к инновационной информации.

Естественно, что качество освоения насыщенной информацией общественной жизнью во многом определяется методологической грамотностью человека, адекватностью вызовам общества знаний. И наиболее заметно это сказывается на субъектах интеллектуальной деятельности, занятии которой, с одной

стороны, мультиплицирует возможности освоения информационного половодья, с другой же, – требует не менее напряжённой духовной жизни, в т.ч. и как противостояния от антисоциального поведения. При этом духовное творчество по своим закономерностям справедливо рассматривалось научной традицией как антитеза отчуждённому труду, однако постсовременный уровень производства переносит заинтересованность именно на паразитирование на одарённости творческой и прежде всего интеллектуальной. В то же время значительно повышается требовательность субъектов деятельности к условиям/среде её осуществления. Хозяйственные признаки нового этапа развития проявляются и в формировании беспрецедентной структуры потребления, когда в качестве основных предметов спроса все чаще выступает «духовная пища» и информация, а также средства их доставки, обработки и анализа. В экономической структуре приоритетное значение приобретает сфера услуг (в частности информационных), а также индустрия досуга. На базе этого нарастает расхождение векторов потребительских (в т.ч. духовного потребления) и творческих возможностей. И определённая наполненность этого стратегического выбора во многом основывается на базовых ценностно-смысловых комплексах, формах их осуществления. Общее процветание сегодня связывается скорее с ценностно-смысловыми комплексами не праздности и потребления, а созидания и творческого поиска. Так, идеалы и ценности общества потребления не могут быть распространены на всю ойкумену без повышения риска для всей экосферы планеты до критичного уровня. Крайне опасным становится, чтобы «...развёртывалась тенденция к повторному отчуждению морали, усиленная затем политической апатией, трудовым абсентеизмом значительных слоев населения, нарастающим загрязнением нравов. ...Употребляя понятие «отчуждение» в таком смысле, мы прибегаем к иному обозначению предкризисного (скорее кризисного) состояния общественной нравственности» [13, с. 229]. В процессе трансформации особенно опасным является то обстоятельство, что именно состояние отрешённости формирует прочные преграды не только проведению модернизации экономики, но и развития (даже существованию) как человека, так и цивилизации [14–17].

Соответствующим образом, и постсовременное понимание общества всеобщего благосостояния предполагает ориентацию отнюдь не на скопление разнообразных социальных иждивенцев и их услуги, а на активную поддержку творчества (прежде всего интеллектуального и духовного) с реализацией приоритета человека, его прав и свобод; социальной справедливости, то есть социального равенства людей в правах и возможностях; солидарности, понимаемой как выражение общности человечества и сочувствия к жертвам несправедливости. Поэтому для социально-экономического (в частности хозяйственного) успеха насущной становится стратегическая смена парадигм, что предопределяет первенство ценностно-смыслового уровня трансформаций. В этих условиях для успешного достижения целей новой модернизации необходимо и оправданно привлекать ресурсные базы как модернизации (домодернизации недомодерна), так и постмодернизации (постсовременной модернизации).

Базирующаяся на знаниях экономика существенно меняет привычные для индустриальных и доиндустриальных циклов трудовые иерархии отчуждения: во-первых, её результаты больше зависят от

применения инновационных идей, чем от физической силы, ловкости или выносливости. Во-вторых, использование высоких технологий важнее, чем переработка сырья или дешёвая рабочая сила. В то же время Ж.Ф. Лиотар подчёркивает: «Старый принцип, по которому получение знания неотделимо от формирования (Bildung) ума и даже от самой личности, устаревает и выходит из употребления. Такое отношение поставщиков и пользователей знания к самому знанию стремится и будет стремиться перенять... стоимостную форму (forme valeur). Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы найти стоимость в новом продукте и в обоих этих случаях, чтобы быть обмененным. Оно перестаёт быть самоцелью и теряет свою «потребительскую стоимость» [21, с. 18, 39].

При этом подъём роли умственной деятельности и творческой активности заставляет использовать более изящный инструментарий привлечения. С одной стороны, необходимо использование производительных наработок Высокого Модерна, с другой, – преодоление кризисно-рецессивных явлений и переход к управленческо-организационным решениям уровня экономики знаний и инновационно-синергическим производственным циклам базируются на общей предпосылке: эффективное обеспечение хозяйственной устойчивости предусматривает тщательный учёт (в частности при организации структур производственной демократии) трансформации условий, нового баланса возможностей и угроз, комбинаций слабых и сильных элементов и т.п. [18–20]. Безусловно, социальный уровень информационных воздействий изучается давно, в т.ч. с позиций управления изменениями, стимулирования как позитивных, так и негативных общественных мутаций. Вместе с тем каждая эпоха накладывает свои черты, в т.ч. предоставляет новые возможности для футуродиагностики, создавая новые угрозы и смещая акценты. И у каждой эпохи свои герои: трансформации условий востребуют иные черты характеров. Напротив, повторяемость логик исторических сюжетов, с одной стороны, позволяет проследить зависимость результатов от условий осуществления и особенностей действий, а с другой, – ведет к констатации соединения элементов циклично-волнообразных и необратимых (прогрессивных/регрессивных), что позволяет уточнять инструментарий воздействия. При этом, разумеется, средства воздействия существенно трансформируют дерево целей, формируя кластеры позитивных и негативных рисков. Вместе с тем информационные атаки зачастую направляются вовсе не только на какой-то фрагмент знания. Когнитивное оружие нацелено не просто на подмену информации, а на стратегическое переформатирование мировоззрения, трансформацию базовых ценностно-смысловых комплексов. После этого человек, даже осуществляя творческие функции, реализует уже не свой проект. На манипулировании нарастает самоманипулирование. Так на основе главных установок осуществляется трансформация мировоззренческой парадигмы, переформатирование устоев общественной жизни.

И от характера управления во многом зависит приоритет в общественном движении по оси отчуждения. Активизация действий по вхождению в мировую экономику на основах экономического либерализма и повышения заинтересованности транснациональных корпораций во всестороннем воздействии на сотрудников ведет к широкому применению мер из диапозона «корпоративного гражданства», «социального

партнерства», «экономики участия», «производственной демократии» и т.д. Формированием в глобальных масштабах постиндустриальных производственных отношений, глобализацией международной экономики (в частности конкурентных отношений) создаются объективные предпосылки для обеспечения постиндустриального уровня производственной демократии. Постиндустриальные же представления о производственной демократии, жидущиеся на трансформациях трудовых отношений, кардинально меняют характеристики эффективных управленческих композиций, позволяя интегрировать продуктивные элементы фордизма и постфордизма.

При этом переход в сфере интеллектуальной деятельности к сочетанию в управленческих композициях элементов фордизма и постфордизма, свойственных организационно-управленческим формам индустриального и постиндустриального общества, требует движения от превалирования привычек и стереотипов администрирования на основе директивных указаний к практикам и технологиям стимулирования активности и желательных трансформаций. Это, в свою очередь, актуализирует моменты не только кросс-культурные, но и свойственные конкретным культурно-цивилизационным мирам (и прежде всего связанные с ценностно-смысловыми комплексами). Построение же модели формирования стимулов интеллектуальной деятельности позволяет выделить в ней элементы непосредственные (производство, потребности, интересы, стимулы, заинтересованность, отношение к труду, творческая активность) и косвенные (опосредствование стимулов влиянием способностей, целей и ценностей, усиления роли мотивов). Исчерпание прямых рычагов ставит задание более активного использования косвенных. От комплекса формирования стимулов следует отличать систему их реализации в хозяйственной практике (собственно стимулирование), которая охватывает подсистемы распределительную и воспроизводственную, а также стимулирование более полного развития способностей и повышения заинтересованности каждого.

Целостное стимулирование и распределение в широком значении должны охватить распределение денежных сумм, самой деятельности, а также рост самостоятельности, организацию труда, индивидуализацию поощрения и наказания в зависимости от иерархий потребностей, интересов, целей, ценностей. Поскольку в социально-производственных коммуникациях осуществляется передача не только «инструкций», но и «ценностей», «идеалов», «смыслов», то при этом формируются не исключительно рациональные, но также и иррациональные составляющие жизнедеятельности общества. Изучение ценностно-смысловой организации различных типов хозяйственных общностей и культурно-цивилизационных миров, а также предоставляемых социально-экономической компаративистикой альтернативных подходов при характеристике функционирования и развития систем и бессистемных целостностей убедительно демонстрирует, в частности влияние на ход новой (постсовременной) модернизации баланса между историческими особенностями организации ведущих ресурсных баз научно-образовательно-производственных комплексов и их адаптационными возможностями.

Существование (тем более доминирование) отчуждённого освоения общественной жизни делает сонмы преобразованных и иррациональных форм эффективными механизмами социального управления,

порождает различные экономические, психологические, культурные и т.д. автоматы. В то же время еще раз уже неоднократно наглядно продемонстрировано развитие политической культуры, укрепление духовного стержня и подъём уровня информированности и общественного мнения – надёжная преграда технологиям манипулирования сознанием человека, слоёв общества. Это понятно: с одной стороны, отчуждение, в отличие от свободного творчества, разделяет человека и социальные процессы, создавая возможности манипуляций. С другой стороны, на короткий срок манипулятивные технологии выглядят убедительно благодаря экономии ресурсов (в первую очередь ресурса времени) при достижении нужного результата. Сами техники манипуляции – не только верный признак овнешнения, но и порождение и катализатор отчуждения. Вместе с тем и при использовании методологий мягкой силы, не прямых действий, гибкой власти именно опора на ценностно-смысловые комплексы и позволяет достигать реализации разнообразных поставленных задач стимулирования интеллектуальной деятельности как направления смягчения отношений отчуждения с использованием вкупе как рациональных, так и иррациональных средств, преодолением многих ловушек критичности и скептицизма, эффективным интегрированием в составляемых управленческих композициях качественно различных продуктивных ресурсных баз и подходов, преобразованием культурных традиций народа в общественно значимые социальные инновации. Причём необходимость движения в процессе новой постсовременной модернизации от рационально-бюрократического управления трудовыми отношениями классического модерна стран Запада и администрирования в социалистических странах к формированию гибких управленческих композиций на основе инновационно-синергетических практик постсовременного типа производственной демократии приводит к замене «жестких» социальных технологий «мягкими», в частности на основе научно-образовательно-производственных кластеров, и повышает требования к уровню обеспечения государством общества информационно-коммуникационными технологиями и соответствующей инфраструктурой.

Выводы. Проведение необходимых для новой модернизации страны трансформаций должно опираться на весь диапазон возможностей, включая интеллектуализацию деятельности. Поэтому повышение эффективности стимулирования творчества (включая интеллектуальное) требует не только выделения анклавов развития, но и общих изменений социально-экономической среды. Под влиянием ведущих тенденций постсовременности проведение модернизации требует не только масштабного финансового маневрирования, но и соответствующих трансформаций, направленных на снятие неимманентных форм отчуждения и реализацию стратегии развития социально-экономических отношений, связанных с уходом от устаревших принципов фордизма, что является неотложной необходимостью организации системной управленческой работы в соответствии с трансформацией глобального масштаба. При этом реальное создание условий для достойного участия в экономике знаний и тем более научного прорыва предусматривают доступ населения к инновационной информации.

Для этого, в частности, целесообразно также дальнейшее укрепление роли государства в налаживании партнёрского институционального взаимодействия

предпринимателей и персонала с организациями гражданского общества (экологического направления, правозащитников, потребителей и т.п.); поощрения поведения, полезной для общества (например, на уровне предоставления политических гарантий, дополнительных инвестиций, расширение ресурсной базы, льгот и преференций как общенационального уровня, так и региональных, в частности связанных с земледелием, разрешениями на застройку); учёте успехов в развитии партнёрских отношений при установлении государственного заказа на продукцию предприятий/отраслей; активизации деятельности малого предпринимательства в системе госзакупок; информационной поддержке форм системной социально-ответственного поведения транснациональных корпораций и отечественного бизнеса.

Изучение моделей и механизмов стимулирования интеллектуализации деятельности как фактора преодоления некоторых вариантов отчуждения и анализ потенциала преобразованных социальных форм управления предоставляют возможность предложить классификацию стимулирования труда, модели создания и реализации стимулов, а также практические рекомендации, связанные с использованием социального аспекта постсовременных отношений производственной демократии, гибких режимов работы, обогащения деятельности, групповой организации, корпоративной культуры и внедрения проектно-матричного управления. Пути их применения отличаются качественно разнородным организационным структурам.

Дальнейшее рассмотрение темы предполагает, по нашему мнению, детализацию особенностей социального уровня информационных воздействий в контексте меняющейся реальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Кальной И.И. Отчуждение: истоки и современность : моногр. / И.И. Кальной. – Симферополь : Таврия, 1990. – 192 с.
2. Архиреев С.И. Генетические основы и сущность отчуждения : депонированная рукопись / С.И. Архиреев, В.Е. Шедяков // Деп. в ИНИОН АН СССР 02.03.89, № 37019. – Харьков, 1989. – 33 с.
3. Ткаченко И.Е. Отчуждение труда: история и современность / И.Е. Ткаченко, В.Е. Шедяков // Экономические науки. – 1991. – № 6. – С. 138–140.
4. Шедяков В.Е. Человек и отчуждение труда в нашей стране : депонированная рукопись / В.Е. Шедяков // Деп. в ИНИОН АН СССР 27.03.91, № 44233. – Харьков, 1991. – 221 с.
5. Шедяков В.Е. Місце трудових відносин у відтворенні відчуження як форми економічної соціалізації особистості / В.Е. Шедяков // Економічна теорія. – 2013. – № 2. – С. 46–56.
6. Лич В.М. Місце людського капіталу у здійсненні стратегії ефективного розвитку та забезпеченні конкурентоспроможності національної економіки / В.М. Лич, В.Є. Шедяков // Людський капітал України: стан, проблеми, перспективи відтворення : моногр. : у 2 ч. / наук. ред. В.М. Лич. – К. : КНУБА, 2009. – Ч. II. – 236 с.
7. Шедяков В.Е. Человек в обществе отчуждённого труда : моногр. / В.Е. Шедяков. – Харьков : Мрія, 1991. – 157 с. – Рец.: Философская и социологическая мысль. – 1992. – № 4. – С. 172–173; Акционерное дело. – 1992. – № 5–6. – С. 151–159.
8. Touraine, A., 1971. The post-industrial society: Tomorrow's social history: classes, conflicts and culture in the programmed society: monograph. N.Y.: Random House, 244 p.
9. Шедяков В.Е. Відчуження праці на тлі глобальних трансформаційних процесів в економіці / В.Е. Шедяков // Економічні студії. – 2014. – № 4(04). – С. 257–262.
10. Шедяков В.Е. Зростання ролі духовного виробництва як чинник трансформації відчуження праці / В.Е. Шедяков // Економіст. – 2015. – № 4. – С. 23–28.
11. Шедяков В.Е. Трансформації відчуження праці в контексті розвитку виробничої демократії / В.Е. Шедяков // Формування ринкових відносин в Україні. – 2014. – № 10(161). – С. 152–159.
12. Шедяков В.Е. Трансформації інформаційного простору як чинник відчуження людини / В.Е. Шедяков // Політологічний вісник. – 2011. – Вип. 52. – С. 350–361.
13. Освобождение духа : моногр. / под ред. А.А. Гусейнова, В.И. Толстых. – М. : Политиздат, 1991. – 352 с.
14. Азроянц Э.А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции : моногр. / Э.А. Азроянц. – М. : Изд. дом «Новый век», 2002. – 416 с.
15. Алексеенко И.Р. Последняя цивилизация? Человек. Общество. Природа : моногр. / И.Р. Алексеенко, Л.В. Кейсевич. – К. : Наук. думка, 1997. – 411 с.
16. Ещенко П.С. Куда движется глобальная экономика в XXI веке? : моногр. / П.С. Ещенко, А.Г. Арсеев. – К. : Знання України, 2012. – 479 с.
17. Шедяков В.Е. Соціальне розшарування стає результатом не тільки корупції, але й відсутності дієвих соціальних ліфтів, повноцінної можливості «самому зробити себе» [Електронний ресурс] / В.Е. Шедяков // Економіст. – 2014. – № 3. – С. 1–2. – Режим доступу : <http://ua-ekonomist.com/6476-socialno-rozsharuvannya-staye-rezultatom-ne-tilki-korupcyi-a-y-vdsutnost-dyevih-socialnih-lft.html>.
18. Станкевич Ю.Ю. Загальні аспекти теорії корпоративного управління / Ю.Ю. Станкевич // Стратегії економічного розвитку: держава, регіон, підприємство : моногр. / за заг. ред. К.С. Шапошникова та ін. : у 2 т. – Херсон : Гельветика, 2015. – С. 106–117. – 2 т.
19. Шедяков В.Е. Менеджмент персонала в условиях переходного периода / В.Е. Шедяков // Менеджмент в области инвестиций и персонала: особенности в переходной экономике : моногр. / В.М. Соболев, В.Е. Шедяков. – Харьков : Бизнес Информ, 1996. – С. 81–173. – 2 р. – Рец.: Бизнес Информ. – 1996. – № 14. – С. 55.
20. Кредісов А.І. Історія вчень менеджменту : моногр. / А.І. Кредісов. – К. : Знання України, 2001. – 300 с.
21. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна : моногр. / Ж.-Ф. Лиотар. – М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетей, 1998. – 160 с.